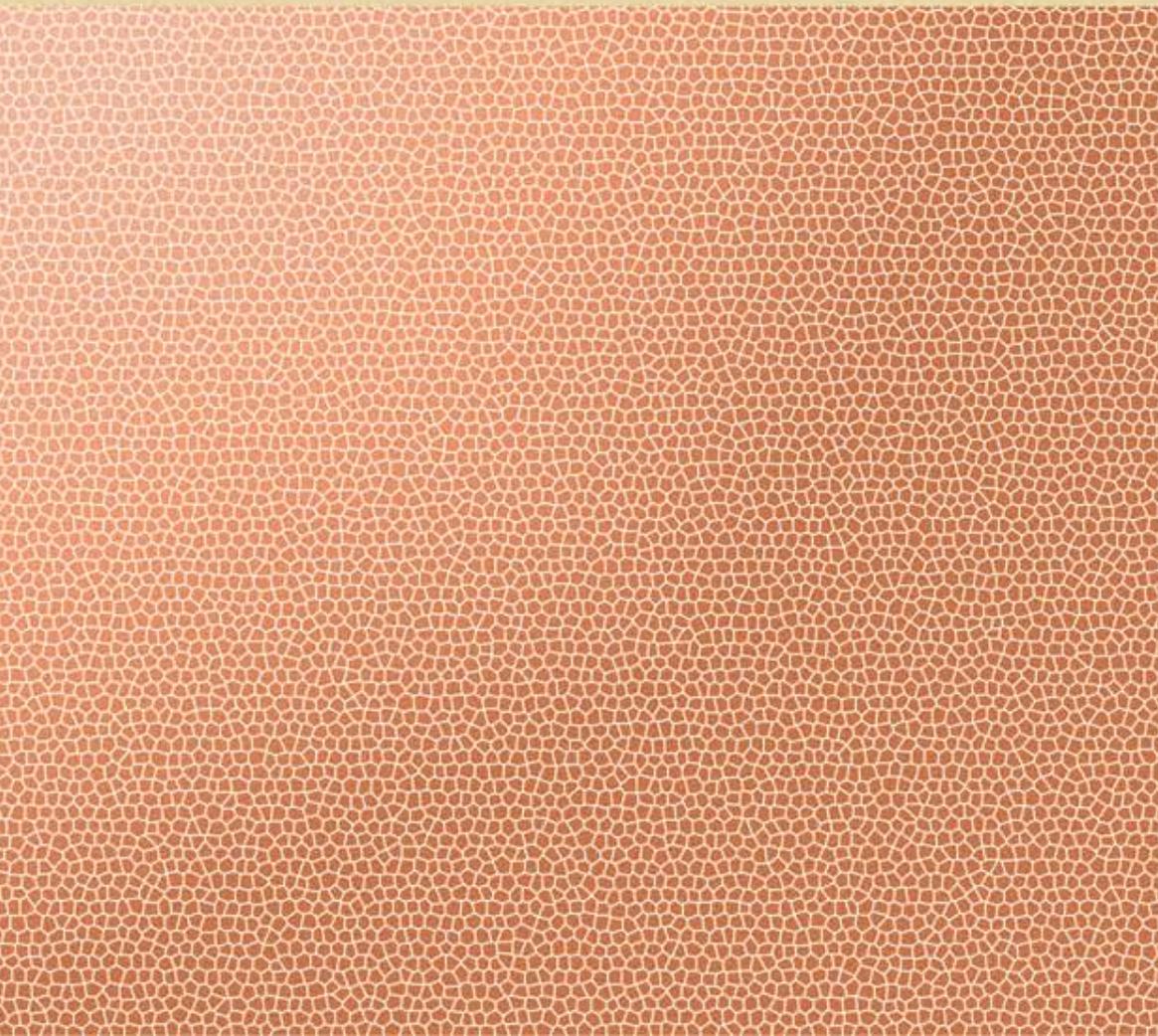

Л. Д. Шагдаров

**Проблемы новой
академической
грамматики
бурятского языка**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Л. Д. Шагдаров

Проблемы
новой
академической
грамматики
бурятского языка

(имя существительное, имя прилагательное, наречие,
послелог, модальные слова, слова категории состояния,
изобразительные слова)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра СО РАН
2013

водятся формами множественного числа: *студенчество* – *студентнэр*, *студентнүүд*, *учительство* – *багшанар*, *крестьянство* – *таряашад*, *офицерство* – *офицернүүд* и др. Можно бы переводить такие слова и другими средствами: а) составными словами, в которых вторые компоненты – слова с собирательным значением: *крестьянство* – *таряашад зон*, *таряашан улад*; б) парными словами: *студенчество* – *студент оюутад*, *учительство* – *багша нургагшанар*, *купечество* – *хүпээс мүпээсүүд*, *тряпье* – *таряабха маряабха*. Во втором случае, как видно, парное слово приобретает негативный оттенок.

Из изложенного выше вытекает, что нечеткость, необязательность формальной противопоставленности не позволяет рассматривать лексико-грамматические разряды в качестве морфологических категорий.

Имеется также группа суффиксов, образующих собственные имена и фамилии: *-та*, *-ов*, *-он* (*-ун*), *-ин*. Например: *Зоригто*, *Батоев*, *Базарон*, *Бадмаин*. Они также не считаются морфологическими категориями.

В бурятском языке употребляется много заимствованных суффиксов, точнее заимствованных слов со своими суффиксами *-чик*, *-ник*, *-щик*, *-арь*, *-атор*, *-ор* (*-ёр*, *-ер*), *-ант* (*-ент*), *-ат*, *-ат(ий)*, *-(а)р*, *-анс*, *-ик*, *-ец*, *-ист*, *-ик*, *-ус*, *-ин*, *-мен*, *-мейстер*, *-нич*, *-оид*. Примеры: *летчик*, *проводник* (*вагона*), *прицепщик*, *ядерщик*, *токарь*, *агитатор*, *механизатор*, *дирижер*, *инструктор*, *консультант*, *диссертант*, *абонент*, *эмитент*, *делегат*, *вожата*, *дояр*, *конферанс*, *фронтвик*, *комсомолец*, *фигурист*, *десантник*, *библиотекарь*, *журналист*, *тракторист*, *политик*, *ботаник*, *сатирик*, *кибернетик*, *боксер*, *литератор*, *комбайнер*, *пенсионер*, *миллиардер*, *акционер*, *нотариус*, *грузин*, *осетин*, *спортсмен*, *бизнесмен*, *полисмен*, *бармен*, *балетмейстер*, *лесничэ*, *монголоид*.

Имеется много сложных существительных, преимущественно с интернациональными корнями с первым компонентом – усеченной основой и со связанным первым компонентом: *биофизик*, *астронавт*, *зоолог*, *космонавт*, *метеоролог*, *мотогонщик* и др. Употребляется много сложных существительных со связанными последними компонентами *-лог*, *-граф*, *-ман*, *-фил*, *-фоб*, *-навт*: *психолог*, *фонолог*, *египтолог*, *аллерголог*, *библиограф*, *лексикограф*, *балетоман*, *библиофил*, *славянофил*, *фотофоб* (или *фотографида үзэлэй дуратай хүн*), *гидронавт*, *океанавт*.

В сложных образованиях в качестве первого компонента, носящего уточнительный характер, выступают как целые (неусеченные), так и усеченные основы: *диалектолог*, *наркоман*, *социолог*, *англоман* (или *хамаг англи юумэндэ шүтэдэг хүн*, *англи юумэн лэ гэдэг хүн*) и т.д.

Тесное взаимодействие с русским языком привело к образованию множества составных образований, эквивалентных простым и сложным именам существительным русского языка. К аффиксам, инициировавшим возникновение в бурятском языке подобных имен, относятся *-тель*: *хранитель* – *сахигша*, *хадагалагша*, *хамгаалагша*, *нахюуһан*, *зонхилогшо*; *буряад ёһо заншалые сахин абажа ябагша* ‘хранитель бурятских обычаев’; *музейн баялигы сахин хадагалагша* ‘хранитель музея’; *гар бэшигүүдые сахин хадагалагша* ‘хранитель рукописей’; *арадай түүхэ домогуудые хадуун сахигша* ‘хранитель народных преданий’; *ништын гурим сахигшад* ‘хранители (или блюстители) общественного порядка’; *хүниие сахин хамгаалагша*, *хүнэй нахюуһан* (или *нахюуһан тэнгэри*) ‘ангел-хранитель’, ‘гений-хранитель’; *правитель* – *засаг баригша*, *зонхилогшо*; *гансаараа эзэрхэн зонхилогшо* ‘единоличный правитель’; *Монголоу засаг баригшад* ‘монгольские правители’; *смотритель* – *даагша* и т.д.

Существительные собственные

Все собственные имена бурятского народа, называющие любые реальные, гипотетические и фантастические объекты, называются ‘ономастическим пространством’, внутри которого существуют своеобразные, системно организованные поля. В соответствии с моделью мира, сложившейся у бурят в течение исторического времени, ономастическое пространство бурятского языка составляют антропонимы, теонимы, зоонимы, топонимы, космонимы, астронимы, хрононимы, а также собственные имена отдельных праздников, объединений, учреждений, предприятий, обществ, органов печати, произведений литературы и искусства и т.д.

Собственные имена подразделяются на две группы: 1) имена собственные в узком смысле этого слова и 2) наименования. К последним относятся, например, названия газет, журналов, книг и т.д.

Среди собственных имен выделяются следующие тематические группы:

1. Антропонимы, или собственные имена людей⁷. По происхождению бурятские личные имена весьма разнообразны. Среди них много древних имен, возникших на почве самого бурятского языка. Однако в нем еще больше имен, заимствованных у других народов и племен. В историческом прошлом буряты соприкасались с тунгусо-маньчжурскими и тюркскими племенами, в результате контактов с которыми остались в бурятском именнике собственные имена, трудно объяснимые на почве самого бурятского языка. Наряду с большим количеством оригинальных имен западными бурятами до революции было воспринято много личных имен из христианского календаря. Что касается восточных районов этнической Бурятии, то среди них широко были распространены заимствованные имена тибетско-санскритского происхождения. До революции эти имена были канонизированы. Их присваивали новорожденным духовные лица (*найжи*), причем имя определялось гаданием на костях и астрологическому справочнику.

До революции фамилию, т.е. наследуемые семейные наименования имели крещеные буряты и казаки. Остальные же буряты в качестве фамилии брали имя отца, которое оформлялось в родительном падеже: *Бадмын Доржо* 'Доржи Бадмаев', *Аюрай Пагма* 'Пагма Аюрова'.

В советское время среди большинства бурят вошло в традицию оформлять фамилии и отчества по русскому образцу, когда сын или дочь носят фамилию отца, а отчество оформляется по имени отца: *Дамдинов Дампил Доржиевич*, *Цыренова Дарима Дугаровна*. При этом бурятские фамилии, как правило, образуются при помощи русских суффиксов *-ов (-ев)* от различных именных основ. Образование бурятских фамилий при помощи других суффиксов русского языка, например, *-ин (-ын)*, *-ск(ой)*, *-ск(ий)* и т.д. не наблюдается. Ограниченное распространение имеет образование фамилии посредством аффиксов родительного падежа старомонгольского и бурятского языков *-он*, *-э*, *-о*, *-и*, *-ин*, *-ай*: *Мижидон*, *Базарон*; *Бадмажабэ*, *Будажабэ*; *Балдано*, *Ринчино*; *Бадмаин*, *Аюрзанайн*; *Батожабай*, *Дондогой* и т.д.

В практике употребления собственных имен весьма распространено различное написание одних и тех же бурятских имен и фамилий, например: *Очиров*, *Оширов*, *Ошоров*; *Митыпов*, *Митупов*, *Митанов* и т.д. Такой разнобой обусловлен особенностями произношения их в диалектах и говорах, а также традицией и различием их оформления на русском и бурятском языках. Поэтому в «Справочнике личных имен народов РСФСР», изданном в Москве в 1965 г., предусмотрено разное оформление наиболее распространенных вариантов имен и фамилий.

В советское время сформировался новый стереотип бурятского антропонимикона. Люди стали опираться на наиболее типичные, звучные имена с нейтральным или стилистически приподнятым аппелятивным значением, не связанные с неприятными ассоциациями, продиктованными в свое время различными суевериями и церковными канонами.

Стали пользоваться большой популярностью оригинальные собственно бурятские имена типа *Сэсэг*, *Эрдэм*, *Баир*, *Эрдэни*, *Жаргал*, *Туяна*. По-прежнему популярны тибетско-санскритские имена: *Дугар*, *Дарима*, *Мэдэгма*, *Цыремпил*, *Доржи* и т.д. Правда, почти прекратилось присвоение двойных имен тибетского происхождения. Часто стали присваиваться детям русские имена. Причем употребляются также уменьшительные имена, такие как *Женя*, *Валя*, *Шура*, *Саша* и др.

В то же время ономасты предостерегают родителей от чрезмерного увлечения одними и теми же как русскими, так и бурятскими именами, так как в результате частого присвоения ограниченного числа имен малолетним детям уже в яслях им приходится зваться по фамилиям. При выборе имен желательно опираться на упомянутый справочник, а также публикуемые в печати и в виде брошюр именники.

Как было сказано выше, между собственными и нарицательными именами имеются существенные семантические различия. Так, например, нарицательные имена выражают понятия, а собственные – не выражают понятий о предмете, не отражают его характерных свойств.

Между нарицательными и собственными именами имеются и грамматические различия. Так, если нарицательные существительные, в частности, с конкретным значением, могут употребляться в формах единственного и множественного числа, то собственным именам существительным, служащим для индивидуализации предмета, не свойственно употребление в формах множественного числа. Правда, иногда в разговорном языке и в художественном стиле при перечислении собственных имен последний из них может оформляться во множественном числе. Например: *Баяр, Балдан, Дугарнууд тугаарай энээгүүр харагдана нэн* ‘Недавно здесь были (досл. давеча здесь показывались) Баир, Балдан и Дугар’. Но здесь формант множественного числа показывает, что был не один, а несколько человек. При наличии показателя подлежащего последний из перечисленных собственных имен находится в единственном числе, а форму множественного числа принимает показатель подлежащего: *Эдэнэй дунда нэгэ нютагай болохо хүхюу Сэнгэ, хөөрүү Гомбо, алая Балдан, айдар Жамса, энээрэн Гэлэг, илдам Базар гэгшэд нютагаа бусажа ябаба ха* (из Х. Намсараева) ‘Среди возвращавшихся в родные места были земляки: веселый Сэнгэ, разговорчивый Гомбо, озорной Балдан, милый Жамсо, смешливый Гэлэг и обходительный Базар’.

Если собственные имена, заимствуемые из русского языка, имеют только формы множественного числа, то при употреблении в бурятском языке изменяется их окончание в соответствии с правилами гармонии гласных, например: *Альпы – Альпа (уула), Альпын, Альпада; Афины – Афина (хото), Афинын, Афинааа; Карпаты – Карпата (уула), Карпатада, Карпатаар; Дарданеллы – Дарданеллэ (хоолой), Дарданеллын, Дарданеллэдэ; Пиренеи – Пиреней (уула), Пиренейн, Пиренейнээ* и т.д.

Исключение из этого правила составляют лишь заимствованные слова, оканчивающиеся на *-и*. Это окончание сохраняется у них и в бурятском языке: *Черемушки – Черемушкиин, Черемушикидэ, Черемушкеэр; Жигули – Жигулиин*. Однако в речи они могут употребляться в неизменном виде, обычно со связкой *гэжэ* и нарицательным географическим термином, например: в *Сокольниках – Сокольники гэжэ паркда, в Жигулях – Жигули гэжэ хадада* или *Жигулиин уулада*.

У имен собственных формы множественного числа нормальны лишь в тех случаях, когда они употребляются в ином значении. Поэтому форма множественного числа в этом случае не является соотносительной с формой единственного числа. Это, в частности, такие случаи:

1. обозначение лиц, находящихся между собой в семейных, родственных отношениях: *Бадматан* ‘члены семьи Бадмы, семья Бадмы’; *Дадуевтан* ‘Дадуевские’, *аха дүү Чимитдоржиевтан* ‘братья Чимитдоржиевы’. Аффикс *-тан* является суффиксом собирательности, имеющим также значение множественности. Этот же аффикс употребляется для собирательного обозначения людей, объединенных человеком, который назван в производящей основе: Семеновтон ‘семеновцы’; для обозначения стойбища, где старшим является человек, названный в производящей основе: *Дамбатан хотон* ‘хотон Дамбы’, *Гоьототон хотон* ‘хотон Тосоты’. В других случаях суффиксы *-тан, -нар, -шуул* и т.д. принимают номенклатурный термин, а имя или фамилия остаются в исходной форме, особенно при обозначении высокопоставленных лиц: *Дамба ноёнтон* ‘господин Дамба’, *Матханов ноёнтон* ‘господин Матханов’, *Головлев господанар* (или *эзэд ноёд Головлевтон*) ‘господа Головлевы’, *Романов обогой хаашуул* ‘дом Романовых’, *Долгиров* (или *Долгировтон*) *хүпээсүүд* ‘купцы Долгировы’. Иногда оформляются аффиксами собирательности и множественности и собственное имя и номенклатурный термин: *угай малшад Бадмаевтан* ‘потомственные скотоводы Бадмаевы’ (или ‘династия скотоводов Бадмаевых’);

2. обозначение разных лиц и географических объектов, называемых одинаково, т.е. однофамильцев, тезок: *Намтай хоёр Бадмаевууд хүдэлдэг* ‘Вместе со мной работают двое Бадмаевых’; *Энэ хүүгэдэй саадта гурбан Туяананууд байгаа* ‘В этом детском саду были три Туяны’; *Хоёр Америкэнүүднээ делегацинүүд ерээ* ‘Делегации прибыли из обеих Америк’;

3. обозначение типичности имени в определенной стране или социальной группе. Так, для России типичны Иваны, для Бурятии – Бадмы и Баиры, для Венгрии – Лайошы, для Узбекистана – Юлдаши и т.д.

Поскольку указанные имена во множественном числе имеют иное, чем в единственном числе, значение, при их анализе начальной формой целесообразней считать форму именительного падежа с показателями множественности и собирательности, а также со связкой *гэжэ* и нарицательными словами. Например: *аха дүү Бадмаевтан* – *аха дүү Бадмаевтанда*, *аха дүү Бадмаевтанһаа*, *аха дүү Бадмаевтанини*; *Сокольники гэжэ парк* (или *Сокольники парк*) – *Сокольники гэжэ паркда* (*Сокольники паркда*) и т.д.

Собственные имена не представляют собой замкнутые группы слов. Имена собственные переходят в нарицательные имена в следующих случаях:

1. при обозначении типа людей с положительной или негативной коннотацией по имени или фамилии знаменитого человека или литературного героя: *бурядай банзаровууд* ‘бурятские банзаровы’, *дульбаанууд* ‘дульбаны’, *маниловууд* ‘маниловы’, *плюшкинууд* ‘плюшкины’ и т.д. Поскольку такие слова, обозначая класс однородных предметов, имеют нарицательное значение, они должны писаться с маленькой буквы. Однако авторы дают их обычно с прописной буквы, что нельзя считать корректным. Пример из известной песни Ю. Ирдынеева «Абайхан Гэсэрнүүд байхал байха»: *Атархан, атархан дайдадамнай / Ардагхан хүлэгүүд байхал байха, / Арадхан, арадхан далайдамнай / Абай Гэсэрнүүд байхал байха* ‘В привольной, привольной степи нашей / Хулэгиаргамаки найдутся всегда, / В народе, народе вольном нашем / Абай-Гэсэры найдутся всегда’;

2. при использовании их для обозначения класса однородных предметов: *катюшанууд* ‘ка-тюши’ (орудие). Эти слова в бурятском языке представлены заимствованными словами. В то же время довольно часто наблюдается переход нарицательных слов в собственные имена. При этом они суживают свое значение: название класса предметов становится названием лишь отдельных предметов. Изменяются и их грамматические свойства. Например, слово *баатар* ‘богатырь’, становясь именем собственным, имеет только форму единственного числа, в винительном падеже употребляется лишь в оформленном виде, не сочетается с количественными числительными и в результате образуются омонимы: *баатар* ‘богатырь’ – *Баатар* (имя собственное), *долоон үбгэд* ‘семеро стариков’ – *Долоон үбгэд* ‘Большая медведица’.

Как отмечалось выше, к именам существительным относятся собственные наименования, для которых используются сочетания слов и даже предложения: «*Үүрэй толон*» («На утренней заре»), «*Русьта хэн һайн һуудаг бэ*» («Кому на Руси жить хорошо») и др. Хотя по форме они не являются существительными, им присущ ряд примет данной части речи: категориальное значение существительных – предметность, функционирование в роли подлежащего и дополнения, способность склоняться по падежам, принимать аффиксы принадлежности, в определенных условиях изменяться по числам, например: «*Үүрэй толонууд*» *библиотекедэ байна һэн* ‘«На утренней заре», я видел, были в библиотеке’ (подлежащее, множественное число); «*Үүрэй толониешми*» *хэн абааб?* ‘Кто взял мою «На утренней заре»? (дополнение, личное притяжание, 1 лицо, единственное число), «*Үүрэй толоноор*» *яаха гээ хүмши?* ‘Зачем тебе «На утренней заре?»’ (орудный падеж, дополнение).

Для придания свойств существительного наименованиям-предложениям, к ним присоединяют показатель подлежащего *гээшэ* (форма постоянного причастия от глагола речи *гэ* – ‘сказать, произнести’), который склоняется, изменяется по числам, принимает аффиксы принадлежности: «*Русьта хэн һайн ажаһуудаг бэ?*» *гээшэмни* (или *гээшэмнай*, *гээшэшни*, *гээшэтнай*) *хэнэй зохёол бэлэй?* ‘«Кому на Руси жить хорошо?» – чье произведение?’ (показатель *гээшэ* с аффиксом личного притяжания ед.ч., 1 л.; может быть во мн.ч., а также во 2 л.; по функции с наименованием – подлежащее); «*Русьта хэн һайн ажаһуудаг бэ?*» *гээшые хэн оришуулаа бэлэй?* ‘Кто перевел-то «Кому на Руси жить хорошо?»’ (*гээшэ* с названием произведения – дополнение, винительный падеж, может быть в форме остальных падежей). Как видно из примеров, в случае наименования-предложения падеж, число, принадлежность выражаются синтаксически, т.е. посредством служебного слова.

Кроме официальных личных имен, отчеств и фамилий у бурят имеются неофициальные имена – прозвища. Как отмечает исследователь этой группы онимов Л. В. Шулунова, прозвища

являются наиболее древней антропонимической категорией. Они обладают яркой спецификой, что позволяет поставить и решить ряд теоретических вопросов, связанных с выяснением природы бурятского слова вообще, имени собственного в частности. Исследование прозвищ может помочь в решении проблем называния, соотношения слова и понятия, развития и особенностей ассоциативного мышления и метафорического переосмысления слов, особенностей словообразования [Шулунова, 1985, с. 4].

Имена, дающиеся при рождении, не мотивируются, так как у ребенка нет определившихся признаков. Но человек растет, появляются у него постоянные признаки и по наиболее характерным из них дается прозвище. Следовательно, прозвище, в отличие от официального имени человека, вторичное наименование, бытующее в устной речи.

Прозвища в большинстве случаев имеют ярко выраженный низкий стилистический оттенок, подразделяются на индивидуальные и групповые (родовые, национальные) и в большинстве случаев отражают неравенство в социальном, национальном, государственном, общественном положениях или морально-физические недостатки. Лишь ласкательные прозвища, данные родными и иногда принятые другими, характеризуются положительной экспрессией: *Аадай, Тоодой, Паадай, Түнтээн, Онтоон*.

Прозвища образуются посредством всех способов словообразования:

1) при помощи суффиксов: *Сэлсээдхэ* ‘жирный’ от изобразительной основы *сэлсы-* ‘быть мягким и жирным’, *Онишбха* ‘узкоглазый’ от изобразительной основы *ониш-* ‘щуриться’;

2) при помощи атрибутивного словосложения: *Ута Шагжа* ‘долговязый Шагжи’, *Хүнеэс Сэдэб* (номинант отличается скупостью и жадностью), *Ринчино артист* (номинант по имени Ринчин имел способность смешить всех), *Тэжэн Голёо* (о человеке, внешним видом напоминающим кобылку);

3) посредством конвертивного способа: *Маяа* ‘кривоногий’, *Бүлсэгэр* ‘пухлый’. Выразительно используются заимствованные слова: *Монумент* (прозвище очень неповоротливого человека), *Блаженный* (о человеке со странностями), *Сестра* (прозвище человека, имевшего женское имя Дулма) и т.д.

Прозвища иногда используются как средство идентификации людей при тезоименности, т.е. применении одного имени к разным объектам. При тезоименности подключаются добавочные прозвищные определения. Например, в одном селе пятеро его жителей носили имя *Сэнгэ*, что повлекло за собой появление прозвищ: *Шара Сэнгэ* досл. ‘рыжий Сэнгэ’ (у денотата рыжий цвет волос); *Заанай Сэнгэ* досл. ‘большеротый Сэнгэ’ – от диалектного *заанай*, ср. *заанагар* ‘большеротый’ (номинант обладает указанным качеством); *Зөөхэй Сэнгэ* ‘сметана-Сэнгэ’ (именуемый работает заведующим на маслозаводе), *Завод-Сэнгэ* – вариант прозвища того же денотата; *Ехэ Сэнгэ* ‘старший Сэнгэ’ – от *ехэ* ‘большой’, ‘старший’; *Бага Сэнгэ* ‘Младший Сэнгэ’ – от *бага* ‘маленький; младший’ [Шулунова, 1985, с. 15–16]. Этот пример можно интерпретировать и как соотношение варианта и инварианта при номинации однородных предметов. Инвариант *Сэнгэ* в данном случае характеризует то общее, что есть у данного единоличного предмета с другими ему подобными. Маркирующий же компонент характеризует то особенное, что есть у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства [Там же, с. 16].

К личным именам относятся и псевдонимы – вымышленные имена, под которыми в 1920–1930-х гг. выступали некоторые писатели: Будажап Найдаков – *Мунко Сарыдак*, П. Дамбинов – *Солбонэ Туя*, С. П. Балдаев – *Абгайн Түргэн*, Цыденжап Дондубон – *Ц. Дон*. Еще до революции Ц. Жамцарано выступал со статьями под псевдонимом *Шарайдский*, позже принял имя *Уулын Убгэн* (‘горный старик’).

В те годы, когда под вывеской «обострения классовой борьбы» модно было критиковать, «разоблачать», большинство авторов критических материалов подписывались псевдонимами: *Хурса нюдэн* ‘острый глаз’, *Шэнэ гуурһан* ‘новое перо’, *Хүдөөгэй хүдээн дээлтэ* досл. ‘сельчанин в овчинной шубе’, *Бадан Тураахин* (имя главы делегации хоринских бурят, отправившихся в

1703 г. в г. Москву), *Батраагуудай нэгэн* ‘один из батраков’, *Нютагай нэгэн* ‘один из местных’, *Хүгшэн шоно* ‘старый волк’, *Шара халюун* ‘рыжая выдра’ и т.д. Позже такие псевдонимы стали постепенно исчезать. Те, которые желали скрыть свою фамилию, стали подписываться другой, вымышленной или видоизмененной фамилией: Батомунко Дондуков – Батомункуев, Бадма Доржиев – Бадмаин и т.д. Авторы фельетонов обычно подписывались под коллективным псевдонимом: *Алсагар Мархай* ‘раскоряченный Мархай’, *Гургалдайн гурбан сэсэн* ‘три мудреца гургалдайских’, *Мархайн аша Тархай* ‘внук Мархая Тархай’, *Сэсэн Сэнгэ* ‘мудрый Сэнгэ’.

В отношении написания подобных псевдонимов также наблюдается большой разницей. Компоненты – нарицательные слова пишутся то со строчной, то с прописной буквы: *Солбонэ Туяя*, но *Хурса нюдэн* и т.д.

Кроме описанных здесь антропонимов (личные имена, отчества, фамилии, прозвища и псевдонимы бурят), в языках наличествуют и другие их разновидности. Однако такие виды антропонимов, как андронимы (именование жены по имени, прозвищу или фамилии мужа), гинеконимы (именование мужчины по имени или прозвищу матери или жены), криптонимы (скрываемые имена) и некоторые другие в бурятском языке не представлены. Правда, в некоторых хоринских говорах практикуется обращение к родителям молодых людей с использованием имени их сына или дочери и слов *эжы* ‘мама’, *баабай* ‘папа’: *Доржын баабай* ‘отец Доржи’, *Хорлын эжы* (или *маама*) ‘мама Хорлы’.

2. Теонимы, или названия божеств. Буряты исповедуют три религии: мировые религии – буддизм и христианство и сохранили шаманизм. Поэтому в бурятском языке отложилось много теонимов.

Как известно, Будда Гаутама был принцем арийского происхождения, индусом, родился в семье рода Шакья. Мальчику дали имя Сиддхартха, а Гаутама – это его фамильное имя. Когда Сиддхартха Гаутама достиг наивысшего полного совершенного просветления, он стал называться Буддой (от санскритского корня *будх* ‘пробуждаться’).

После просветления Будда проповедовал свое учение в течение 45 лет. И за это время и в последующие века был награжден более тридцатью вторичных имен, называемых обычно эпитетами и подчеркивающих те или иные его свойства и заслуги. Они обычно по смыслу переводились на старомонгольский язык, из которого с небольшими звуковыми изменениями переходили в бурятский язык: *Бхагават* – *Илажу Түгэс Нүгшээсэн* (или *Илажа түгэс нүгшээн*) ‘Ушедший с победой’, *Будда* – *Бурхан багша* ‘Учитель-бог’, *Сугата* – *Амарлингы оршогио* ‘Пришедший ко благу’, *Татхагата* – *Тэгүүншэлэн ерэгсэн* ‘Пришедший таким же образом, как и предшественники’, *Джина* – *Илалта Туйлаан* ‘Победивший, т.е. отвергший суету мирскую, зло, пороки, грехи, страсти’, *Архат* – *Дайни дарагсан* ‘Победивший врагов, т.е. чувственное вождение’, *Сарваджня* – *Хамагы мэдэгшэ* (или *айладагша*) ‘Всеведущий’, *Муни* – *Хамаг тусые бүтээгшэ* ‘Осуществляющий всю помощь’ и др.

Как видно, эти эпитеты или перифрастические названия Будды Шакьямуни (бур. *Шэгэмүни бурхан*) на бурятский язык передаются с сохранением некоторых особенностей старомонгольского языка, чем подчеркивается их важное значение и вносится возвышенный стилистический пие-тет.

По классификации Ю. Н. Рериха, Будда Шакьямуни относится к разряду «нирманакайя-будд» (исторических). Он один из будд трех времен, а именно будда настоящего времени. За ним должен прийти Майтрея (бур. *Майдари*) – будда грядущего времени.

Из разряда «самбхогакайя-будд» (идеальных) в Бурятии почитались *Амитаюс* (бур. *Аюуша бурхан*) – будда, дарующий долголетие, *Амитабха* (бур. *Абида бурхан*) – создатель и владыка рая Сукхавати (бур. *Сухабаадиин орон*), *Бхайшаджьягуру* (бур. *Отошо бурхан*) – будда врачевания.

Бодхисаттвы – это люди, решившие выйти из круга сансары и достичь состояния будды. Они по пути совершенствования достигли последней ступени, но не погрузились в нирвану, а предпочли не становиться буддами, а остаться в сансаре, оказывая помощь в обретении спасения всем живым существам. Наиболее популярными бодхисаттвами являются 11-ликий Авалокитеш-

вара (бур. *Арьябаала*), Манджушри (бур. *Манзашэри*), Ваджрапани (бур. *Базарбаани*), 21 богиня Тара (бур. *Дара эхэнүүд*).

К просветленным существам относятся также учителя-проповедники, достигшие высшей земной ступени совершенства. Наиболее почитаемым является Цзонхава (бур. *Зонхобо*) (1357–1419), основатель буддийской школы гелугпа, ламаизма.

К идамам, защитникам веры, относятся докшиты *Шойжол*, *Гомбо*, *Гама*, *Шалиа*, *Намсарай*, *Жамсаран*, *Самба* и *Ямаандага*.

Буддийские теонимы сыграли свою роль в формировании бурятского антропонимикона. Некоторые личные имена бурят восходят к названиям буддийских божеств. Например, *Абида* – имя одного из дхьяни-будд (пять будд, занимающих верхний этаж в иерархии пантеона ваджраяны, одного из главных направлений махаяны и буддизма в целом), владыка рая Сукхавати (бур. Сухабаадин орон); *Агваан* – одно из перифрастических имен или эпитетов Манджушри, относящегося к главным бодхисаттвам вместе с Авалокитешварой и Ваджрапани; *Ананда* – имя одного из ближайших учеников Будды; *Аюуша* – имя божества долголетия Амитаюс; *Буда* (*Будда*) – имя основателя первой из трех мировых религий – буддизма; *Ванчик* – одно из перифрастических названий Ишвары, согласно буддийской мифологии, владыки мира, пребывающего на вершине священной горы Кайласа; *Галжан* – имя богини хорошей судьбы Бхагьявати; *Ганжима* – одно из перифрастических имен богини Умы; *Гомбо* – имя одного из идамов, хранителя религии; *Дамдин* – имя тантрийского божества, хранителя веры Хаягривы; *Дара*, *Дари* – имена наиболее чтимых женских бодхисаттв Тары; *Долгор* – имя Белой Тары; *Должин* – имя Зеленой Тары; *Дондоб* – имя Будды Шакьямуни, данное ему при рождении; *Дулма* – одно из тибетских имен дакини Тары; *Дунэн* – одно из перифрастических названий владыки мертвых Ямараджи (бур. *Эрлик-Номуун хаан*); *Дэмшэг* – имя тантрийского божества, идама Самвары, обитающего на горе Кайласа; *Дэшэг* – одно из перифрастических названий Будды ('блаженно пришедший'); *Жалма* – один из эпитетов бодхисаттвы Майтреи; *Жамбал* – имя бодхисаттвы Манджушри; *Жамса* – бурятская форма от тибетского Гьятсо (Чжамцо), входящего как обязательный элемент в состав имен Далай-лам; *Жамсаран* – бог войны и др. [Дариева, 1991].

В отличие от буддизма христианская религия исходит из признания триединого бога (бог-отец, бог-сын, бог – дух святой), создавшего мир и управляющего им в соответствии с собственной волей. Христианство является монотеистической религией с верой в единого и всемогущего бога. Поэтому бурятам в основном был известен Иисус Христос, сын божий, который сошел с неба на землю, принял страдание и смерть для искупления людей от первородного греха, воскрес и вознесся на небо. В будущем произойдет второе пришествие Христа для суда над живыми и мертвыми.

В православной религии существует культ святых, которых бог наделил даром чудотворения за их праведную жизнь, сделал посредниками между собой и людьми. Святые считаются покровителями простых смертных. Полный христианский месяцеслов включает тысячи святых, названных поименно и безымянных. К числу святых относились видные церковные иерархи, основатели монастырей, светские правители, пророки, праведные, преподобные, апостолы, святители и мученики.

Буряты в основном хорошо знали православные праздники в честь святых, к которым приурочивались сезонные сельскохозяйственные работы: *Михуула* – праздник Николая-чудотворца, *Эльшин деэн* – праздник Ильи-пророка, *Ёгоор деэн* – праздник Георгия Победоносца и т.д.

В связи с православием в бурятскую среду проникло много канонизированных в святцах личных имен христианских деятелей и святых. Как указывает А. Г. Митрошкина, русские имена в документах XVII в., как правило, упоминаются с пометами: крещеный бурят, новокрещеный, толмач, казак. Например: Бодоров Иван – мунгальского языка толмач, Петрушка – новокрещеный бурят, Стенька – крещеный монгол, Ивашка – беглый холоп, монгол, по иноземному зовут его Толдонка и т.д. [Митрошкина, 1987, с. 156–173].

Многие крещеные буряты были двоеверцами, т.е. они, хотя и приняли православную веру, но сохранили шаманизм, характерной чертой которого является многобожие, поклонение многим богам. У бурят существуют различные термины для обозначения шаманских богов и духов: *бурхан*, *тэнгри*, *хан* (*хат*), *нойон*, *онгон*, *заян*, *эжин*, *будал* и др. Из них наиболее обобщенным является термин *эзэн* – ‘эжин, хозяин, владыка’ [Михайлов, 1987, с. 9]. Эжинами могут быть небожители, онгоны, души умерших шаманов и шаманок. По представлениям бурят, таких эжинов великое множество. Они населяют кроме среднего мира, также верхний и нижний миры.

В срединном мире каждая местность, горы, водоемы, скалы имеют своих эжинов: *Газар дайдын эзэн* ‘эжин земли’, *Баян Хангай* ‘эжин тайги’, *Ойн эзэн* ‘эжин леса’, *Уһан хаан* ‘эжин воды’. Причем имелся не один, а несколько или множество эжинов. Например, эжинов воды, царей вод (*Уһан хаан*) насчитывалось 27. Наряду с ними имелись эжины конкретных рек и озер, островов, гор и других местностей, например, Хозяин истока Ангары *Ама Сагаан ноён*.

В летописи хоринских бурят В. Юмсунов перечисляет 13 северных нойонов (*Арын 13 ноёд*), считающихся сыновьями тэнгри и имеющих местопребыванием горы острова Ольхон, реки и горы по северному и южному берегам Байкала: *Хан Гхото нойон* – глава 13 нойонов, сын Хана Хурмаста Тэнгрия; *Хан Зулмуту нойон* – жена Гхото нойона – гений-хранитель женщин; *Хан Бо нойон* с крепким желтым луком, обучает людей шаманскому искусству; *Хан Шубу нойон*, *Хажир Цаган нойон* – пребывающий на горе Бархан – хозяин Баргузина, *Хан Заргачи нойон* – Хозяин Иркутки; *Эрдэмту Цаган нойон* – Хозяин Узкой Лены; *Буха нойон* – пребывающий на горе Мундаргу Ундур, в истоках Байкала и др. [Летописи хоринских бурят..., 1940, с. 59].

Кроме этих великих владык, стоящих на уровне ханов, имелись локальные эжины – духи-хозяева всех местных рек, озер, возвышенностей, рощ и т.п. И эжины крупных географических объектов, и местные эжины, по понятиям верующих, это души когда-то живших людей, отличавшихся какими-то выдающимися качествами, или души умерших шаманов и шаманок.

В верхнем мире, на небе жили небожители-тэнгри. *Хүхэ Мүнхэ Тэнгэри* ‘Вечное Синее Небо’ с древних пор считался существом духовным, управляющим всем миром. Но он не был верховным богом в христианском понимании. Он выступал в качестве абстрактной регулирующей силы, мужским началом, дарующим жизнь, а земля – женским, дарующим форму предметам. Поэтому небо называлось отцом, а земля – матерью. От Неба произошли множество небожителей-тэнгри, живущих на видимом небе. Небожители делятся на два враждующих между собой лагеря – западных, добрых, и восточных, злых. По одному варианту, тэнгри 99 – 55 западных и 44 восточных. Как сообщает В. Юмсунов, из 55 западных тэнгри 50 тэнгри возносились лишь молитвы, а 5 тэнгри приносились жертвоприношения в виде овец и коней. К последним относятся *Хигхан* (*Хиһан*) *Улан тэнгри* на рыжем коне со звездочкой на лбу, гений, охраняющий души всех живых существ; *Цахилган Цаган тэнгри* (‘Молния белый тэнгри’) на белоглазом коне, имеющий свое местопребывание на юго-западе, его сопровождают 77 *шахар* (‘спешных гонцов’), 99 *хукур* (‘спутников божества’) и 13 *аймар нэрье тэнгри* (‘безумных громовых небожителей’); *Одон Заян* – находящийся на вершине хранитель всех живых существ; *Хүхэ Манхан тэнгри* – податель счастья людского и скотского; *Заякчи тэнгри* (или *Заян Саган тэнгри* или *Одон Заян тэнгри* букв. ‘Звездный Судьба-тэнгри’). Главой западных, добрых, выступает в одном случае *Хан Хурмас* (или *Тюрмас*), в другом – *Заян тэнгри*, а восточных, злых, – *Ата Улан тэнгри*.

По другому варианту, западные небесные божества разделяются на 99 южных, 55 западных и 77 северных тэнгри. Во главе первой группы стоит сын Вечного Синего Неба *Эсэгэ Малаан тэнгэри* (‘отец мудрый небожитель’) с женой *Эхэ Юурэн төөдэй* (‘мать Юурэн старуха’) и т.д. [Михайлов, 1987, с. 13].

Как отмечается исследователями, тэнгри преимущественно олицетворяют какое-нибудь атмосферное явление и выступают их эжинами: *Будургу Сагаан тэнгэри* – божество снега, *Мэндэри тэнгэри* – божество града, *Гурбан Галхин тэнгэри* – трое богов ветра, *Гурбан Манан тэнгэри* – трое богов тумана, *Сахилгаан тэнгэри* – божество молний, *Сэгээн Сэбдэг тэнгэри* – божество холода.

Часть тэнгри являются эжинами различных способностей людей: *Багатур тэнгри* – божество силы, *Дайчин тэнгри* – божество войны, *Гужир тэнгри* – покровитель рогатого скота, *Ата Улаан тэнгри* – покровитель коней, *Галзуу тэнгри* – божество бешенства, *Заян Сагаан тэнгри* – Творец Белый небожитель, *Дзол Дзаягчи тэнгри* – дарующая счастье небожитель, *Бүхэ Муя тэнгри* – покровитель кузнечного ремесла [Михайлов, 1987, с. 14].

Владыкой подземного мира (ада) является *Эрлик Номун хан* (или *Эрлен-хан*), имеющий многочисленных помощников и писарей, а также особых духов-посыльных (*элиэн*), которых посылает за человеческими душами.

Кроме упомянутых выше, имеются еще эжины солнца и луны; эжин огня; эжины, покровительствующие военной и общественной деятельности; эжины – покровители учебы, искусства, игр и развлечений; эжины домашнего быта и семейно-брачной жизни, эжины болезней.

Среди сверхъестественных сил особое место занимает низшая демонология – духи, олицетворяющие злую, нечистую силу (черти, бесы, дьяволы, *ада*, *анахай*, *бохолдой* и пр.). Краткое описание сонма самых различных духов дается в работах Т. М. Михайлова, особенно в его обобщающей монографии «Бурятский шаманизм» (1987).

К шаманским теонимам примыкают мифонимы – имена вымышленных существ. Теонимы и мифонимы, употребляемые в бурятском героическом эпосе, отличаются, как правило, сложной композиционной структурой: *Абай Гэсэр хаан* (варианты: *Абай Гэсэр*, *Абай Гэсэр Богдо*, *Абай Гэсэр хүбүүн*, *Абай Гэсэр Богдо хаан*), *Наран Гоохон*, *Гал Дулма хаан*, *Гурбан Балхин тэнгэри*, *Ширэм минаата альбан шулма* ‘дьявол с чугунным кнутом’, *Ергоон ньөөм ьахалтай* ‘старик с бородой в шесть четвертей’ и т.д.

В результате анализа антропонимов Л. В. Шулунова приходит к выводу, что данные наименования не образуют особой частной системы, а по системообразующим признакам принадлежат к именам существительным как части речи, а по системоприобретенным признакам выступают в функции подлежащих и дополнений и по системонейтральным признакам обладают конкретным звуковым обликом и конкретным значением. Им присущи морфологический (суффиксальный, например, *Морхоон* при *морхогор* ‘горбатый (о носе)’; усечение, например, прозвище *Шой* – от личного имени *Шойжамса*); аббревиатурный, например, прозвище *ДТ-54* – от личного имени и фамилии прозываемой – Дадуева Таня и года рождения денотата – 1954, вероятно, по ассоциации с маркой трактора; основоположение, например, прозвище девочки *Дари хүгшэн* ‘Дари-старушка’, дано из-за несвойственной детскому возрасту рассудительности) и неморфологический (онимизация, т.е. переход имени нарицательного в собственное имя, например, прозвище *Абаахай* ‘паук’; трансонимизация, т.е. переход одной разновидности антропонима в другой, напр., прозвище *Бадма* – от отчества *Бадмаевич*) способы образования собственных имен [Шулунова, 1995, с. 111].

Таким образом, двухкомпонентные антропонимы классифицируются как композиты, образованные посредством основоположения. Также и А. Г. Митрошкина констатирует, что сложные имена в бурятском языке двухкомпонентны, тогда как в монгольском языке они могут состоять из пяти-шести простых имен. Примеры из бурятского языка: *Дугар-жаб*, *Гомбо-жаб*, *Даваа-жаб*, *Сэрэн-Гарма*, *Сэрэн-Жамса*, *Сэдэн-Дамба*, *Хара-Нохой* и др. [Митрошкина, 1987, с. 151–153].

Что касается многокомпонентных антропонимов, то они должны трактоваться как лексикализованные единицы: *Гал Дулма хаан*, *Түмэн Яргалан хатан*, *Урмай Гоохон хатан*; мифонимы типа *Мориной толгойн шэнээн шара хэдэгэнэ* ‘Желтая оса величиной с лошадиную голову’. Они трактуются как многокомпонентные речевые собственные имена, ибо они являются субстантивнами, имеющими строгую предметную направленность выражающими индивидуализирующее понятие [Шулунова, 1995, с. 106]. Некоторые из них содержат номенклатурные термины родства: *хатан* ‘супруга, жена’, *ахтай* ‘сестра’, *үтөөдэй* ‘бабушка’, *хүбүүн* ‘сын’, *тэнгэри* ‘небожитель’, *хаан* ‘хан’, на которых падает функция быть связующим звеном имени собственного с другими словами. Многокомпонентные именованья в своей терминированной части оформляются посредством всех падежных окончаний, которые и связывают данные онимические образования с другими членами предложения. Например, в составе собственных имен таких, как *Сэбдэг Тэнгэри* и

Атай Улаан, используются следующие падежные формы: *тэнгэриин*, *тэнгэрииндээ*, *тэнгэриез*, *тэнгэритээ*, *тэнгэрхээн* [Шулунова, 1995, с. 40].

Следует отметить, что наблюдается пестрота в оформлении двух- и многокомпонентных антропонимов. Так, с прописной буквы оформляется то лишь первый компонент (например, эпитет Будды *Илажу түгэс нүгшээсэн* ‘Ушедший с победой’), то все компоненты (*Илажу Түгэс Нүгшээсэн*), то все компоненты имени, а терминированная часть пишется со строчной буквы (*Абай Гэсэр хубүүн*). Причем наблюдаются колебания в определении статуса этой терминированной части.

3. Зоонимы, или клички животных. В бурятском ономастическом пространстве образуют свою систему зоонимы или собственные имена (клички) животных. Однако, как показала Л. В. Шулунова, у бурят раньше не было традиции давать животным клички. Владельцы пользовались различными подзвными словами (*өө-өө-өө* – для подзывание коров, *гүргы-гүргы* – для подзывания ягнят и козлят, *шүүг-шүүг* – для подзывания свиней, *кыс-кыс* – для подзывания кошек и т.д.)

В прошлом у бурят существовали лишь названия животных по масти (*сагаагшан* ‘белуха’, *эрэгшэн* ‘пеструха’), которые не выполняли призывательной функции. Животные не откликались на них, и они служили лишь для различения животных их хозяевами. Система зоонимов в бурятском языке сложилась на основе заимствований из русского языка. Эти клички образуются от всевозможных русских аппелятивов, например: *Дамка*, *Зойка*, *Милка*; *Пират*, *Мурат*, *Малыш*, т.е. имеются клички отантропонимические, отаппелятивные, отэтнотонимические (*Татарка*) и откосмонимические (*Венера*, *Луна* и т.д.)

Зоонимы внутри себя подразделяются на группы, для которых существуют специальные термины: кинонимы – клички собак, гипонимы – клички лошадей, орнитонимы – клички птиц, инсектонимы – имена насекомых и т.д. Однако не везде все клички животных являются русскими заимствованиями. В частности, у агинских бурят издавна бытуют клички собак (например, *Баатар*, *Барда*, *Хотошо*), которые выполняют и призывательную функцию. Лошади нарекались по именам тех, которые впервые объезжали их, например: *Үхээдэй боро*, *Сэрэн хээрэ*, *Дамба зээрдэ* и т.д.

4. Топонимы, или названия географических объектов. Топонимы составляют весьма обширное, системно организованное поле ономастического пространства бурятского языка. Топонимы внутри себя подразделяются на оронимы или собственные имена любых элементов рельефа, ойконимы – имена поселений, в том числе комонимы – названия поселений сельского типа, астионимы – названия поселений городского типа, гидронимы – собственные имена водных объектов, дримонимы – собственные имена лесных участков, лесов, боров, рощ, урбанонимы – названия внутригородских топографических объектов, которые подразделяются на годонимы, экклезионимы – собственные имена мест совершения обрядов, места религиозных поклонений, ойкодомонимы – собственные имена зданий, спелеонимы – подземные топонимы, агроонимы – названия земельных возделанных участков, пашен, полей. Кроме того, имеются инсулонимы – названия островов, некронимы – названия мест погребений, дромонимы – собственные имена путей сообщения.

Бурятские топонимы составляют значительную часть ономастического лексического фонда. Исторически сложившаяся бурятская топонимическая система неоднородна и объединяет материал нескольких языков, отложившийся в топонимии в различные исторические эпохи. В трудах бурятских языковедов описаны стратиграфические пласты топонимии Бурятии [Мельхеев, 1969; Цыдендамбаев, 1981; Шулунова, 1995 и др.].

Источником образования топонимов, как правило, является аппелятивная лексика. При этом большинство топонимов (микротопонимов) образуется в говорах. Однако в художественных произведениях, в периодической печати они, как правило, оформляются по нормам литературного языка. Например, диал. *Ехэ Ялга*, лит. *Ехэ Жалга* ‘большая падь’, диал. *Түхээрэни Бэлиээрэ*, лит. *Түхээрэнэй бэлиээрэ* ‘пастбище Тухэренское’ и др. Наиболее массово представленные имен-

ные типы, топоосновы служат образцами для прочих названий этой сферы. При этом у смысловых компонентов топонима отсутствует непосредственная связь с понятием: она осуществляется через понятие именуемого объекта – город, человек [Шулунова, 1995, с. 117]. В то же время топоним характеризуется повышенной связью с культурно-историческим фоном, на котором оно возникло. Результаты языкового анализа онимов обычно дают комплекс неязыковых сведений, представляющих интерес для историков, этнографов, социологов и т.д. Как показано в работах бурятских ученых, в собственных именах этнической Бурятии отражается влияние тюрков на бурятские племена в VII–VIII вв., тунгусо-маньчжуров – сначала еще до нашей эры, а более интенсивно в XV–XVI вв., тибетцев – через буддийскую религию в XVI–XX вв. и, наконец, русских – после присоединения Бурятии к России⁸.

Если собственные имена, обзор которых дан выше, являются именами собственными в узком смысле слова, то среди них выделяются наименования, для которых используются нарицательные существительные или сочетания слов. При этом нарицательные существительные не утрачивают своего лексического, обобщенно-предметного значения, как это происходит с именами собственными в узком смысле слова (ср. имя *Тэхэ* ‘козел’ и наименование – журнал «Здоровье»). Наименования изменяют лишь свою функцию.

К собственным именам-наименованиям относятся наименования газет, журналов, художественных произведений, издательств, названия передач в радио- и телепрограммах, названия кинофильмов: «Буряад үнэн», «Толон», «Литературная газета», «Байгал», «Огонек», «Русский язык в школе», «Үүрэй толон», «Брынзын санха», «Эхэ», «Разрыв-трава», Буряадай номой хэблэл, «Бэлиг» хэблэл, РАН-ай СО-гой БНЦ-гэй хэблэл, Буряадай гүрэнэй университетэй хэблэл, «Талын аялга», «Буряад орон», «Мүнхэ зула», «Адуушанай дуун», «Путевка в жизнь», «Тихий Дон» и др.

К собственным же именам относятся названия театров, кинотеатров, клубов, ансамблей и т.д.: *Г. Ц. Цыдынжаповай нэрэмжэтэ гүрэнэй Буряадай оперо болон баледэй академическэ театр* ‘Бурятский государственный академический театр оперы и балета им. Г. Ц. Цыдынжапова’, *Хоца Намсараевай нэрэмжэтэ гүрэнэй Буряадай драмын академическэ театр* ‘Государственный бурятский академический театр драмы им. Хоца Намсараева’, *Н. Бестужевай нэрэмжэтэ гүрэнэй ород драмын театр* ‘Государственный русский драматический театр им. Н. Бестужева’.

Как известно, все собственные имена пишутся с большой (прописной) буквы. Если имя собственное – наименование состоит из нескольких слов, то существует тенденция оформлять с прописной буквы только первое слово. Собственные имена в составе этих наименований также пишутся с большой буквы.

Основные семантические группы имен существительных

Помимо лексико-грамматических разрядов в именах существительных можно выделить также основные группы по значению: имя деятеля, имя действия, имя предмета действия, имя орудия действия, имя места действия, имя результата действия, имя женского пола [Наделяев, 1987, с. 20].

Ядром, сердцевиной этих групп являются прежде слова, образованные морфологическим способом, т.е. посредством аффиксов. Вокруг этого ядра группируются слова и сочетания, образованные синтаксическим и лексическим способами. Наиболее полная группировка существительных, образованных аффиксальным способом, содержится в вузовском учебнике по морфологии бурятского языка [Цыдыпов, 1988, с. 32–36; Дондуков, 1964, с. 48–51].

В частности, Ц. Ц. Цыдыповым выделены следующие семантические группы существительных, образованных аффиксальным способом: 1) названия лиц; 2) названия, обозначающие растения; 3) названия, обозначающие предметы; 4) названия орудий действия; 5) названия результата действия; 6) названия места действия; 7) названия отвлеченных понятий.

1. К суффиксам, образующим названия лиц, относятся:

• *-шан*: *малишан* ‘скотник, скотовод, пастух’, *гахайшан* ‘свинарь’, ‘свиновод’, *адуюшан* ‘пастух коней, табунщик, конюх’, *таряашан* ‘крестьянин, земледелец, хлебороб’;